Светлый ужас Давоса, летающая тарелка в Чертаново и комиссары в Петербурге: что общего?

Оригинал статьи.

«Ужас Давоса» – образ, вброшенный в общественное поле Анатолием Чубайсом, определил состояние мировых элит и вызвал сильную дискуссионную волну в России. Вопрос не только в том, насколько глобальная элита пребывает в ужасе от глобальной политической катастрофы после избрания Дональда Трампа президентом США. Точно ли здесь само понятие «ужаса», можно ли вообще описать элиту как одно целое? Наверное, во всем этом есть доля условности. Однако мощная реакция, вызванная фразой одного из ветеранов Давоса, нуждается в объяснении.

Чем ужас отличается от страха? Страх возникает перед чем-то конкретным. Дети боятся темноты, взрослые – болезней, жизненных трудностей и смерти. Но ужас не знает предмета, он сам по себе. Это состояние, когда привычный строй вещей рушится и в пробитую брешь старого уклада врывается что-то новое. Как резкий и холодный свет операционной. Неизвестное и – парализующее, ужасающее.

Конечно, в Давосе собрались тертые волки, не склонные к панике. Игроки, умеющие просчитывать и адаптироваться к новой реальности. Но чувство ужаса далеко не всегда предполагает острые физические реакции или состояние паралича. Человек может жить в привычном ритме: работать, совершать сделки, встречаться с женщинами. Однако чувство уходящей из-под ног почвы становится постоянным фоном, а тревожность неизбежно накапливается и приводит к срыву.

Известный политолог-международник Федор Лукьянов говорил мне

по этому поводу, что в стратегии Дональда Трампа нет чего-то необычного. Периодов относительного национализма, замыкания на себе в американской истории было больше, чем периодов, связанных с идеологией глобального лидерства. Однако в последние десятилетия глобальная элита заигралась: стало казаться, что сложившийся порядок вещей становится вечным. По словам Лукьянова, в новом президенте нет ничего пророссийского. Однако резкая акцентуация национальных интересов Америки и отказ от глобальной ответственности совершенно меняют политический ландшафт. Создается новое пространство, где России можно попробовать сделать апгрейд статуса.

Поэтому в российском контексте возникает не отторжение, а внутреннее принятие этого «ужаса», который кажется подобием выхода. В том раскладе сил, который сложился после холодной войны, России по разным обстоятельствам не нашлось места. Мировые тренды работали против нее. Однако сейчас возникла надежда, что радикальная смена порядка раскрывает возможности.

Федор Лукьянов, соглашаясь с термином «новое игровое пространство», уточняет: играть мы пока не умеем и не ясно, что это будет за игра. Но это пока для общественного сознания вторично. Главное — новизна. Главное, что началось движение; утомительный статус -кво рушится. Отсюда, можно продолжить эту логику, такой невероятный для российского общества перенос центра внимания на Вашингтон (хотя и популярность российской темы в Америке тоже оказалась беспрецедентной). Общество фокусирует свои ожидания на том центре, который может стать источником глобальных изменений, поскольку не находит такого источника на национальном уровне. Симптом переноса хорошо изучен в психоанализе: перенаправленность эмоций с лица, которое служило их первичной причиной, на другое. В качестве механизма защиты, адаптации и надежды.

Энергию, которая возникает в движении к новому, ценному только своей новизной, неправильно недооценивать. Именно она часто оказывается в основании революций и сильных социальных

движений, потому что конкретные образы будущего носят здесь химерный и смутный характер.

Приход принципиально иного может начаться не только с Америки. Как стало известно, в столичном районе Чертаново приземлилась летающая тарелка.

С одной стороны, фильм «Притяжение» отвечает всем традициям российских блокбастеров. Как сказал один заметный продюсер, пожелавший сохранить анонимность ради цеховой солидарности, «жалко, что у людей были все возможности сделать хорошее кино, но они сделали его спустя рукава». Вызывающе бросается в глаза плохая режиссура. Даже с точки зрения простого зрителя сложно понять, почему откровенно абсурдные вещи нельзя делать чуть более представимыми. Вопрос даже не в тарелке, которая падает на Москву, почему бы и нет? Но, к примеру, в школьниках, которые тайно проникают в лаборатории Центральной клинической больницы, чтобы перелить кровь инопланетянину, найдя инструкцию по переливанию в интернете. Можно было бы вылечить залетного гуманоида более реалистично, даже если в картину заложена идея межпланетарного обмена кровью второй группы (резус-фактор школьниками не уточнялся).

Но замысел режиссера Федора Бондарчука оказался сложнее. Фильм поднимает вопрос тонкой и острой границы между своим и чужим, которую общество мучительно пытается нащупать и в политике, и в культурных дискуссиях, и в частной жизни. Эта граница не географическая (или галактическая), не социальная, политическая, расовая. Как часто бывает в искусстве, Бондарчук сказал больше, чем хотел сказать. Он опрокидывает старый идеологический конструкт, по которому чужие вынесены во внешнее поле. Чужие внутри нас самих, не как чьи-то иностранные агенты, а как мы сами, способные к ужасающим метаморфозам. И дворовые гопники с национальными лозунгами несут больший заряд внутреннего разрушения, чем другая цивилизация. Фильм показывает, что при встрече с принципиально иным прежние нормы теряют адекватность, а привычные объяснительные схемы перестают работать. Прежде чем

перестраивать мир, надо перестроить структуры своего мышления.

Тема чужих была продолжена и во внутренней политике. Вице-спикер ГД РФ Петр Толстой связал протест по поводу передачи Исаакиевского собора на баланс РПЦ с «еврейским вопросом». Депутат полагает, что нынешние волнения спровоцированы потомками тех живших в черте оседлости евреев, которые 100 лет назад, в порядке мести, организовали революцию, отобрали храмы у церкви, а теперь протестуют против реституции. Оставляя этическую сторону этого высказывания, отметим моменты, важные для характеристики публичного поля. Во-первых, до последнего времени российский истеблишмент соблюдал железное табу на национальный вопрос; тема евреев и русской истории казалась зацементированной еще с 1990-х. Разблокировка произошла неожиданно быстро.

Второе, использование упрощенных объяснительных моделей неизбежно подстегивает встречный процесс, который усиливает критику РПЦ. Ситуация с Исакием начинает напоминать скандал с «Охта центром» — башней «Газпрома», которую собирались возвести вплотную к историческому центру Петербурга. При всей разности «Газпром» и РПЦ обретают в этой истории схожие коннотации. Защита архитектурного наследия, как оно было понято (и объяснено) сегодня, — единственный момент, способный объединить лоскутные силы оппозиционных гражданских сообществ в Петербурге. Не видеть этого и списывать проблематику на воскресших красных комиссаров — показатель огромной социологической близорукости. Александр Горшков, редактор популярного городского портала «Fontanka.ru», так ответил на вопрос по поводу социальной ситуации в городе: «Массовая консолидация случится вряд ли, но события подтверждают, что точки бифуркации могут возникать по самым неожиданным поводам, а отнюдь не в связи с экономическим кризисом или сомнительными выборами. Я не видел социологических замеров, похоже, они не очень интересуют Смольный. Но судя по всему, никак не менее половины горожан не согласны с идеей передачи собора».

Политический характер проблемы замечает и сама церковь. Как

заметил мне Александр Щипков, первый заместитель руководителя отдела по внешним связям РПЦ, нынешнее противостояние политическое, а не религиозное. По его словам, по этой причине за передачу собора церкви и против передачи выступают как православные, так и не православные, «потому что разделение идет по политической оси». Бодро движется 2017 год.